

Светлана Алешина

Мир мечтаний

Часть сборника
Крошка-месть (сборник)

Александра

Светлана Алешина

Мир мечтаний

«Научная книга»

2001

Алешина С.

Мир мечтаний / С. Алешина — «Научная книга»,
2001 — (Александра)

«...– Алиса! Она оглянулась. В конце улицы стояла машина. Она облегченно вздохнула. Развернувшись, она побежала к машине, но остановилась и обернулась. Постояв, она окинула девочек торжествующим взглядом и, не удержавшись, показала им язык. Потом подбежала к машине, и последнее, что видели ее преследовательницы, – рука в черной перчатке. Рука открыла Алисе дверь. На мгновение девочка застыла. Беспомощно оглянулась, отшатываясь, но рука втащила ее в салон автомобиля. – Однако нашу Аржанову возят на супер-пуперных машинах! – сплюнула Люба. Надька же застыла, тревожно глядя на то место, где только что была машина. Где только что была Аржанова. Что-то кольнуло Надьку в сердце...»

© Алешина С., 2001

© Научная книга, 2001

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Светлана Алешина

Мир мечтаний

Глава 1

Весеннее солнце ласкало кончики Таниных ресниц. Она сладко зажмурилась, пытаясь задержаться подольше на этом стыке миров – когда реальный еще не вторгся в ее сознание, грубо разрушив приятные ощущения (так она именовала полусонные образы, которые сама же и создавала для себя – иначе как прожить?), и Таня могла немного помечтать. Утренние мечтания Тани были непременным атрибутом каждого дня, и с их помощью, как Тане казалось, она легче переносила тяготы жизни. Она любила их, и расставаться с ними ей было тяжело.

Обычно Танины мечты носили сказочный характер. В них за Таней, как за Золушкой, охотились принцы, правда, нередко у них имелся сотовый, который не вязался с их общим видом, но это не важно. Таня была вполне современной двадцатилетней Золушкой, одетой в джинсы, кожаную куртку, использующей тушь фирмы «Мейбелин», а остальная косметика может быть и подешевле, и работающей чем-то вроде няньки. Хотя на самом-то деле в Танечкином дипломе значилось гордое: «гувернантка со знанием французского», но маленькой первокласснице с тоже сказочным именем Алиса гувернантка со знанием французского была совершенно не нужна, и Тане приходилось довольствоваться ролью нянечки, а скорее старшей сестры.

Нынешний день был выходным, вот Таня и валялась в кровати, блаженно шурясь под лучами солнца и слушая разглагольствования маленького волнистого попугая о смысле жизни. Взгляды у них были разные – попугай не собирался обременять свой мозг мыслями о насущном, поскольку для этого в его жизни была Таня, обязанная позаботиться о насущном «Трилле». Мечтать же он не желал, считая это делом пустопорожним. А Таня мечтала...

И вот что интересно – с некоторых пор Танины мечты отчасти носили характер реальности. Отчасти потому, что герой сладких снов был реален. А остальное, увы, нет – те сцены, где Таня в подвенечном платье от Пьера Кардена торжественно шествовала к эклектичному алтарю, странно совмещающему черты католичества и православия, с неизвестно откуда взявшимися гаитянскими веночками, и были там маленькие кучерявые ангелочки, чудом явившиеся спустя несколько минут в антураже великолепного особняка в Майами-Бич.

Пока, по крайней мере, этого не предвиделось. Но об этом думать не хотелось. К тому же до недавнего времени Таня не была уверена и в том, что ко-гда-нибудь на ее пороге появится Принц. Те недоделанные «принцы», которых судьба угодливо подсовывала ей на каждом шагу, совершенно этому образу не соответствовали, представляя собой в основном самые жалкие образцы человеческой породы, а Таня не была согласна со своими подругами, утверждающими, что «мужчина должен быть лишь чуть-чуть красивее обезьяны». Все ее подруги скоропалительно выскакивали за этих «обезьян» замуж. Поэтому для них Таня уже была обречена на звание старой девы. Разница между ними была теперь разительна. Она заключалась в том, что подруги уже разочаровались в жизни, а Таня еще нет. Таня ждала чуда и пока не успела от этого устать. И вот недавно выяснилось, что ожидания не были напрасными.

Он появился.

Он был красив, молод, ослепителен и богат. При этом подчеркнуто интеллигентен. И этот Образец Совершенства спустился с небес на землю специально для Танюши Дроздовой, разбавив суровые будни маленькой няни со знанием иностранного языка, чтобы дать ей надежду.

Таня начала вспоминать тот день. Кстати, какое было число?

Ох, господи!

Таня рассмеялась, вспомнив, что число было тринадцатое! Понедельник, тринадцатое...
– Я встретила тебя в понедельник, – пропела она тихонько, как промурлыкала, – я встретила тебя тринадцатого... Надеюсь, это не означает, что ты принесешь мне несчастье?

О нет! Этого быть не может – разве человек с такими чудными, глубокими, прекрасными глазами может причинить Тане вред?

Никогда...

Звонок телефона разрушил Танину нирвану.

– Ну, это уж точно как всегда, – вздохнула бедняжка, поднимаясь лениво с кровати. – Стоит мне подумать о приятном, тут же начинаются вторжения.

Она подошла к столику, на котором стоял старенький аппарат, заодно служащий пылесборником, и подняла трубку.

* * *

Виктория Аржанова ни в коей мере не отвечала привычному образу «нуворишки». Если ее муж Виталий соответствовал сему достославному образу полностью, то Вика словно в знак протеста отказывалась следовать стереотипам. Тот, кто видел Вику в первый раз, мог запросто принять эту невысокую худенькую женщину в поношенных джинсах и коротком свитере, явно знавшем и лучшие времена, за скромного учителя или искусствоведа, но уж никак не признал бы в ней владелицу неплохого особняка, расположившегося в Затоне, и «скромненького» джипа.

Фирма, которой теперь руководил ее муж Виталик, была оставлена ей в наследство отцом. И особняк был выстроен на унаследованные от отца деньги. Вика была человеком, к этому богатству привыкшим, деньгам она никакого значения не придавала и, так как в юности она тусовалась в компании хиппи, привыкла смотреть на все это материальное благополучие с равнодушием – она даже не боялась, что все это может пропасть. Куда больше Вику интересовала ее работа. Вот уж без чего Вика и дня не смогла бы прожить! Работала же она в очень скромном музее экскурсоводом и была счастлива. Впрочем, работа все-таки занимала в ее жизни второе место. Первое по праву принадлежало Викиной дочери Алисе.

Наверное, теперь стоило бы сказать, что третье место принадлежало ее мужу Виталику, но...

Сказать этакое значило бы сильно погрешить против истины. Виталик значил для Вики Аржановой еще меньше, чем особняк и джип. То есть, увы, этот молодой человек уже давно для Вики не значил абсолютно ничего.

А в данный момент Вика его бы, наверное, убила.

Она стояла с телефонной трубкой в руке и кусала губы от обиды и злости, вороша в памяти их телефонный разговор, имевший место десять минут назад.

Виталик своим уверенным, бархатным голосом сообщил ей, что Алису забрать из школы никак не может, потому что у него появилось важное дело в виде совещания (и совещаешься ты со своей задастой юристкой Еленой, проворчала Вика), так что придется именно ей, Вике, вспомнить, что она жена, мать и так далее.

Вика помнила об этом постоянно, но именно в этот растреклятый момент на нее смотрел высокий седовласый англичанин, и в короткое время его присутствия на тарасовской земле Вика должна была отволочь его к Мире Голубкиной, великолепнейшей самодеятельной художнице, существование которой зависело от продаж ее картин, созданных из самого необычного материала, включающего яичную скорлупу. Это могло обеспечить Мире безбедную жизнь на два-три месяца.

Единственная надежда была на гувернантку Танечку, которой Вика сама на сегодня выдала долгожданный выходной.

«Сейчас она откажется, и ее можно будет понять, потому что девочка три недели не отдыхала, – думала Вика, ожидая, когда Таня поднимет трубку. – И все это – благодаря неумеренной похоти и такому же неумеренному честолюбию любовницы моего дражайшего супруга... Господи, если бы он сдох, всем стало бы намного легче!»

Она даже зажмурилась, представив себе жизнь без постоянного общения с этим самодовольным кретином... Не надо будет терпеть его фырканья в ванной, его чавканья за столом, его властного голоса, его просторечных оборотов, его...

Она остановила саму себя. Эти мечты нереальны. Он молод. Он здоров, как бык, и к тому же относится к людям, следящим за своим здоровьем. Единственное, что ему может угрожать, это смерть от несварения желудка после обильной и жирной пищи. Или цирроз печени, скажем, поразит его после очередного похода по банькам с этой носатой крысой.

Впрочем, высказав такие пожелания, Вика немедленно пожалела об этом. Не потому, что ей внезапно стало жаль его, а потому, что не хотелось брать грех на душу.

Выпрошенная у англичанина «минута» затягивалась, поскольку Таня трубку брать не спешила.

А в «хрущевке» на Тимирязева уже ждала маленькая инвалидка с золотыми руками и необузданной фантазией, нарядившись по случаю визита высокого иностранного гостя в старомодное трогательное платье с белым кружевным воротником.

Вика начинала впадать в отчаяние, судорожно думая, кого можно отправить за Алисой или, наоборот, послать с англичанином к Мире, но Таня взяла трубку. Вика услышала ее немного сонный голосок и облегченно вздохнула.

Кажется, все-таки мир не так уж плох, подумала она. И нет на свете проблем, которые нельзя было бы решить!

* * *

Таня выслушала просьбу Вики. Потом немного подумала и ответила:

– Да, конечно. Я ее заберу. Не волнуйтесь.

Решающим доводом послужило обещание хозяйки заплатить за этот день по удвоенному тарифу. А значит, Таня сможет купить новую тушь для ресниц, которая в свете последних событий ей жизненно необходима.

Алиса же милый ребенок, умный и спокойный, и поэтому Таня уже прикинула в уме, что мешать ей девочка не будет. Отношения с Мужчиной Ее Мечты еще не зашли за грани дозволенного, и посему они вполне могут погулять по городу вдвоем, а потом она отвезет Алису домой, и они посмотрят наконец-то «Муравья Антца».

Она взглянула на часы и присвистнула.

– Да тебе пора мчаться на всех парах, голубка моя! – проговорила она. – Занятия в школе кончатся через полчаса, машины у тебя нет, а это значит...

Это значит, что Тане придется тащиться на автобусе.

Она быстро натянула на себя джинсы, кое-как нанесла скромный макияж и вылетела на улицу, в спешке не успев даже вдохнуть в себя восхитительный, пьянящий воздух начинающейся весны.

* * *

Если тебя отпускают пораньше с уроков, это всегда радость. Особенно весной.

Алиса выскочила на школьный двор вместе со своей подругой Екатериной.

Сегодня за Алисой должен был приехать папа, но нигде не было видно его зеленого «Рено».

– Алечка, поехали, мы тебя подвезем, – сказала, увидев Алисино замешательство, Катина мама.

Алиса помотала головой.

Она прекрасно знала, что, если папа не обнаружит ее на месте, последует ужасный скандал. Не потому, что папа будет волноваться, а потому, что он считает: Алисины жизнь должна строго соответствовать его Уставу.

Устав Алисиной жизни по Виталию Лямину представлял собой жуткое нагромождение самых разных запретов, преступать которые Алисе строго возбранялось. Даже Алисин дедушка, отец Виталия, полковник в отставке, отказывался понимать своего сына, называя его «идиотом». Но Алиса не рисковала нарушать установленные раз и навсегда законы. Это когда с мамой – тогда все разрешается. А папу приходится терпеть.

Она вздохнула, посмотрев, как отъезжает Катина машина. Потом помахала рукой Лизе, своей второй подруге, и остановилась у ворот школы, напряженно всматриваясь в даль. Папа мог появиться внезапно, и надо было на всякий случай стоять по стойке «смирно», чтобы не вызвать нареканий с его стороны. День не обещал Алисе ничего хорошего.

– Что, Аржанова, не приехали за тобой?

Она обернулась.

Прямо за ее спиной стояла Надька Мохова. Ее, Алисин, злейший враг. Вместе со своей подружкой Любой Барсуковой. Обе они были белесые, с жидкими хвостиками на затылках. Опыт общения с ними говорил, что ничего хорошего из встречи произойти не может.

Поистине сегодня Алисин ангел-хранитель занимался кем угодно, только не Алисой!

Она с тоскливой надеждой посмотрела в глубь улицы, теперь молясь о появлении папиной машины.

Девицы подошли поближе, опасность дышала Алисе в затылок.

Улица же была пуста.

* * *

Автобуса, как назло, не было.

Таня взглянула на часы и чертыхнулась. Время шло слишком быстро, куда быстрее автобуса.

Надежда успеть вовремя таяла как дым.

Рядом с Таней притормозила машина.

– Подвезти?

Таня приготовилась дать отпор, но, взглянув, поневоле расплылась в смущенной и счастливой улыбке.

Тот, кто сидел за рулем, был ее Принцем.

– Привет, – проговорила Таня, пытаясь скрыть свое радостное замешательство.

Еще одно чудо – он появился раньше назначенного срока, будто ждал ее тайного зова...

– Ты куда?

– Мне надо забрать из школы...

Она сделала паузу. Ей не хотелось признаваться Принцу, что его Золушка работает нянькой-гувернанткой у маленькой «богатенькой Буратинки». Но тот факт, что Алиса учится в привилегированной школе, мог сыграть на пользу Таниному имиджу.

– Сестренку, – закончила она. – Понимаешь, моя машина сломалась...

– Садись, – не дал ей договорить он, распахивая дверцу. – Буду рад вам помочь, леди.

Таня влезла в салон, пытаясь сделать это по возможности изящно и непринужденно, словно она только и знала, что разъезжать в шикарных лимузинах.

Машина с невероятной скоростью рванула с места.

* * *

– Послушай, Аржанова, а может, твои богатые папочка и мамочка просто отказались от тебя? – насмешливо спросила Надька. – Присмотрелись и поняли, что ты – маленькая курносая уродка, а?

Алиса попыталась отодвинуться от нее, но сзади уже возникла ухмыляющаяся Любка, предчувствуя сладкий миг, когда эта задавака Аржанова будет повержена.

Беспомощно оглянувшись, Алиса поняла, что спасения ждать неоткуда.

Она еще раз посмотрела в конец улицы – на какое-то мгновение ей послышался звук подъезжающей машины, но это оказалось ошибкой. Улица по-прежнему была пуста. Алиса зажмурилась, чтобы не видеть собственного страха.

«Все, – обреченно подумала она. – Мне пришел полный конец, и никто не собирается мне помогать!»

В ушах начали звенеть колокола, как набат, приводя Алисину душу в трепет, и Алиса попыталась остановить этот чертов трезвон, зажав уши ладонями.

Но – безуспешно! Колокола продолжали надрываться, пропуская сквозь толщу монументального звука только злой смех Алисиных преследователей.

– Алиса!

Все стихло.

Алиса открыла глаза.

Девушки отодвинулись.

– Алиса!

Она оглянулась.

В конце улицы стояла машина. Она облегченно вздохнула.

Развернувшись, она побежала к машине, но остановилась и обернулась.

Постояв, она окинула девочек торжествующим взглядом и, не удержавшись, показала им язык.

Потом подбежала к машине, и последнее, что видели ее преследовательницы, – рука в черной перчатке.

Рука открыла Алисе дверь.

На мгновение девочка застыла. Беспомощно оглянулась, отшатываясь, но рука втащила ее в салон автомобиля.

– Однако нашу Аржанову возят на супер-пуперных машинах! – сплюнула Люба.

Надька же застыла, тревожно глядя на то место, где только что была машина. Где только что была Аржанова.

Что-то кольнуло Надьку в сердце.

– Надь, пошли?

– погоди, сейчас.

Она не могла дать определения этому чувству. Это было подсознательно, как в страшилке, которые Надька любила смотреть по виду. Когда наперед знаешь – герой этого фильма обречен на нечто ужасное, от чего по коже бегают стада мурашек, и твоя фантазия начинает подсказывать тебе разные варианты, один другого страшнее. Разница в одном: когдамотришь страшилку, это ощущение сладкое, приятное, уютное – а тут было по-другому.

В этих страшилках умные маленькие девочки записывали номер подозрительной машины, чтобы потом выйти героями. Но Надька номер не записала. Если бы Аржанова заметила опасность, она бы крикнула, правда ведь? А так...

Проводив машину взглядом, Надька окончательно решила, что все в порядке. Ведь находилась-то она не в страшилке этой дурацкой, а в простой реальной жизни. И беспокоиться было совершенно незачем!

Люба ждала ее, нетерпеливо постукивая ногой о бордюр.

– Пошли, что ли?

Надька бросила последний взгляд вслед исчезнувшей машине и кивнула:

– Пошли.

Глава 2

Если человек насмотрится на ночь дурацких мелодрам, ему будут сниться противные и липкие сны. А если человеку ночь напролет будут сниться такие сны, можете не удивляться тому, что настроение у этого несчастного существа будет, мягко говоря, пасмурным. Даже если небо синее, солнце сияет, а через каких-то два дня у него наступит день рождения.

Сон есть сон, он каким-то образом влияет на восприятие реальной жизни.

Я стояла на остановке. Мимо меня мчались «гоблиновозы», и я прекрасно осознавала, что у меня такой шикарной машины никогда не будет. И особняка не будет. И дачи на Лазурном берегу мне тоже не дожидаться, даже если мне придет в голову нездоровая мысль ждть ее всю жизнь, как Ассоль ждала Грея. И если даже появится добрый псих, который, прикинувшись волшебником, скажет мне: «Саша! Настанет миг, и ты проснешься утром, а за окном ты увидишь Средиземное море, и ласковое солнце позовет тебя пробежаться по ослепительно зеленой лужайке, дабы потом ты окунулась в нежную зелень огромного бассейна», я не поверю.

Сегодня я осознавала это особенно остро. И все из-за сна. Если подумать, сон пришел после фильма, так что все дело именно в этом фильме. А если копнуть глубже, получится, что фильм этот я бы не смотрела, если б вернулась домой попозже. А попозже я не вернулась потому, что в нашем детективном агентстве сейчас дефицит клиентов. Клиенты исчезли вообще. Может быть, они поехали отдыхать на лазурные берега и купаются в молочных реках, облизывая кисельные берега?

Факт остается фактом. Их не было, я пришла домой пораньше и от нечего делать устала вместе с мамой в телевизор. Воображение у меня находится в состоянии полной боевой готовности. Всегда. Просто не дремлет, как пресловутый враг.

Поэтому, когда героиня фильма пришла домой с цветами, дабы отметить годовщину начала Великой Любви, застучала свою Великую Любовь с голой красавицей и услышала, что она-де слишком много работает, чтобы остаться желанной и любимой женщиной, я мгновенно смоделировала ситуацию на себя.

Ночью мне приснилось, что я, усталая и окровавленная, потому что ранена, являюсь к Пенсу. Стучу в его дверь, но мне никто не открывает. Я истекаю кровью, прижимая к груди букетик цветов, которые теперь тоже пропитались моей кровью, и продолжаю барабанить в дверь. Наконец проклятая дверюга открывается. На пороге – Пенс. Он растерян. А из-за его плеча выглядывает обнаженная дамочка, которая ехидно растягивает губы в улыбочке и говорит:

– Ты слишком много работаешь, Саша... Посмотри на себя. Разве нормальный человек может долго любить женщину, которая все время так пачкается?

Слово «пачкается» она произносит с такой гримасой омерзения, что я начинаю содрогаться в рыданиях. Слава богу, содрогалась я недолго. Поскольку прогремел над моим ухом радостный гром, тут же поразивший изменника и его даму, отправив их в небытие.

Я проснулась.

Гром издавал мой будильник, и впервые я была рада его вторжению в мой мир.

Правда, я до сих пор не смогла отделаться от мерзопакостного ощущения, что Пенс мне изменяет направо-налево. Хотя я и знала, что это неправда, но мысль о моем возможном горе была сладка, и я все глубже погружалась в нее, поскольку...

Да что я говорю! Жалость к себе сладка, нежиться в подобном состоянии любят все. Так что объяснять мое состояние никому не надо – и так поймут.

Автобус подъехал, и я начала совершать поступательный переход из области снов в область реальности.

Окончательно этот процесс был завершен в тот миг, когда я открыла дверь в наше «самопальное» агентство и оказалась в родной стихии. Теперь я пришла в себя. Мир перестал наконец совмещаться с ночным кошмаром.

В конце концов, мы с Пенсом друг друга стоим. Он тоже вечно торчит на работе, а оставшееся время проводит в объятиях «крошки «Судзуки». Так что ревность моя беспочвенна и глупа, твердо решила я, улыбаясь моему драгоценному боссу, который, как и положено порядочному начальнику, встречал меня в офисе радостным запахом кофе и приветливой улыбкой.

* * *

– Спросите ее, пожалуйста, из чего она сотворила это чудо?

Английский поклонник изящного находился в состоянии, близком к шоковому. Он не мог отвести взгляда от этого великолепия. Особенно ему понравился шикарный павлин, созданный Мириными ручками из кусочков нежнейшего шелка.

Мира довольно улыбалась, явно пытаясь скрыть радость и смущение.

– Шелк, – пояснила Вика. – Мирина подружка работает швеей. На дому. Обрезки она аккуратно собирает и посылает Мире. А Мира уже создает свои шедевры. Кстати, голова павлина сделана из яичной скорлупы. На нее Мира наклеивала кусочки бязи, видите?

Она мягко коснулась выпуклой головы на панно.

– Господи, – прошептал англичанин. – Никогда не мог подумать, что это возможно!

– Это чудо, – согласилась Вика. – Просто мы любим создавать чудеса своими руками.

Кажется, он был готов приобрести все Мирины картины. Мира сидела такая маленькая, съежившаяся в инвалидной коляске, и ее белый воротничок сиял накрахмаленной чистотой. Она почти не понимала, что сейчас на нее свалится богатство. Для нее ничего не значили деньги, разве что возможность приобрести новые материалы.

Мира мечтала создать маленькую колибри, а для этого ей были необходимы перышки настоящих птиц.

Вика украдкой взглянула на часы.

– Можно позвонить? – спросила она у Миры.

– Конечно, – тоненьким, певучим голоском отозвалась та.

Вика набрала свой номер.

Гудки, гудки, гудки...

Похоже, Таня с Алисой решили прогуляться, подумала она, повесив трубку. Было бы трудно требовать от девочек, чтобы они торчали дома в такую чудесную погоду. Наверное, вернутся через часок! Надо будет позвонить позже.

Англичанин достал бумажник.

– Вы позволите? – спросил он.

Какой смешной тип! Собирается заплатить кучу денег и спрашивает, позволят ли ему это.

– Я хотел бы купить пока пять картин, – сказал он. – Вот эту, эту, эту...

Он жадина, почему-то подумала Вика. Он хочет заполучить все картины.

– Да, конечно, – кивнула она. – Договаривайтесь напрямую с Мирой.

На этот раз Вика отказывалась от комиссионных. Ради Миры.

Если бы счастье было в деньгах, Вика была бы вполне счастлива. Но она прекрасно знала, что это не так.

Она закурила, наблюдая, как он расплачивается с Мирой, потом пакует картины и ставит их в угол. За картинами он пришлет позже... Она кивнула. Она думала о своем. Ей нестерпимо захотелось услышать только одну фразу – разведены. Гражданка Аржанова разведена с гражданином Ляминим. Гражданка Аржанова стопроцентно свободна от утреннего лицемерия, от ежевечернего напряженного молчания, от постоянной необходимости лицезреть это лицо с

обрубленным, коротким подбородком. «Да, Виталино лицо – не простое украшение...» Она усмехнулась. И как же она сразу не догадалась, что его лицо – как визитная карточка? Стоит взглянуть, и сразу догадываешься, что перед тобой – полный придурок!

Телефон зазвонил. Мира встрепенулась и вопросительно посмотрела на Вику.

Вика поняла ее взгляд. Трудно поднимать трубку одной рукой. Вторая у Миры бездействовала. Знал бы сытый и довольный англичанин, что свои потрясающие творения эта маленькая женщина создает одной рукой!

Она подняла трубку:

– Да...

То, что она услышала, заставило ее побледнеть.

– Да, я сейчас подъеду... Но не дергайся пока. Ты звонила Виталику? Нет?.. Ах, ее там нет!.. Таня, не уходи никуда. Я скоро буду!

Она повернулась к англичанину и тихо попросила его:

– Простите, не могли бы вы завершить все без моего участия? Дело в том, что у меня неожиданно появились личные проблемы...

* * *

Лариков смотрел на меня с такой повышенной приветливостью, что я мгновенно заподозрила: в нашем «датском королевстве» не все спокойно. А уж когда мой рассеянный взор обратился на стол, где я увидела аккуратные салфеточки, на которых покоились чашки, аляповато, но честно сработанные под мейсенский фарфор, я окончательно поняла – этому типу что-то от меня нужно.

– Ларчик, – осторожно приступила я к дознанию. – По какому поводу у нас тут праздник? Объявился клиент, у которого пропали бриллианты, и он не помнит, сколько их было точно? Или вы с Лизой решили избавиться от меня, дабы я не занимала ее места? В кофе ты подсыпал немного цианида, и моя смерть будет мгновенной, хотя я бы предпочла все-таки еще немного побродить по жизненному пространству в поисках радости...

Он покачал головой.

– Нет? – удивилась я. – Тогда я не смею больше выдвигать предположений. Но объясни мне эту чопорную аккуратность, которая никогда не была свойственна твоей широкой, но разбросанной и неорганизованной натуре! Иначе я буду долго думать, и в конце концов мой рассудок угаснет от изнеможения!

– Я просто хотел, чтобы нам было немного веселее, – вздохнул он. – Вот мы с тобой посидим с утра, выпьем по чашечке кофе, и, может быть, нам станет светлее... Последнее время мы торчим друг против друга целые сутки, и нам тошно смотреть...

– Ага, – злорадно перебила я его. – Вот ты и признался, что тебе уже тошно смотреть на мою физиономию! Я, конечно, могу обидеться и плеснуть тебе в лицо содержимое этой чашки. Но, будучи справедливой и мудрой, я этого делать не стану. Поскольку ты, в общем-то, прав. Правда, вряд ли запах кофе с ирландским ликером приманит к нам заблудшие души, обремененные лишними деньгами и неразрешимыми проблемами, но я уже начала привыкать к безделью, и, знаешь, мне это даже нравится!

– Все бы хорошо, – вздохнул он. – Кабы не полное отсутствие презренного металла...

– Да брось! – отмахнулась я. – Деньги связывают человеку руки. Они отравляют его душу, так что давай воспринимать нашу свободу и от них как полную и окончательную победу над всеми видами оков. Деньги – зло, разве ты этого еще не слышал? Представляешь, как мы счастливы с тобой, фактически не соприкасаясь со злом! И потом, я не верю, что наш город будет упорствовать в сонном своем настроении долго. Долго жить без преступлений человечество, увы, никак не может!

– Видишь, радость моя, – развел руками мой несчастный, одуревший от бездействия босс, – до чего нас доводит жизнь! Нас перестало устраивать спокойное течение жизни!

Лично меня оно, между прочим, никогда особенно не устраивало. Поэтому я только вздохнула в ответ на его грустные речи.

Если уж «покой и воля» так достали моего спокойного Ларчика, то нетрудно догадаться, какие бури рождались в моей жаждущей сражений душе!

Такое затишье, какое наблюдалось сейчас у нас, начинало сводить меня с ума. И, кроме того, была еще одна причина, по которой я так не любила эти минуты сонного покоя.

Жизненный опыт, увы, говорил мне, что это не к добру. Если воздух вокруг тебя застоится, Сашка, жди бури. Иначе в моей жизни не бывает.

Такая уж у меня планида!

* * *

Алиса. Алиса. Алиса.

Вике казалось, что сердце покинуло грудную клетку и теперь колотилось где-то в голове, напоминая своим стуком взбесившийся колокол.

Она еще сообразила позвонить на работу и попросить Светку Михалеву приехать за англичанином. Нельзя же бросать человека в незнакомом городе, малознакомой стране и так далее, и тому подобное, и...

Впрочем, эти мысли Вика отнесла к разряду «остаточных рефлексов». Сам англичанин перестал ее интересовать в тот момент, когда телефон разрубил жизнь пополам. С помощью Таниного голоса: «Вика, ее не было возле школы!»

Сказано именно так. Не было. Как будто вообще не было смешной маленькой девочки с голубыми глазами. В красной куртке, белых колготках... Черт побери, это такие мелочи!

Она гнала свой джип на пределе, выжимая из него все, на что он способен.

Возле дома, уже притормозив, она попыталась успокоиться.

– Вика, – сказала она себе, – в конце концов, ты начинаешь паниковать заранее. Разве ты не знакома с постулатом, что ожидание беды ее притягивает? С Алисой ничего не произошло. Она уже дома.

«Они бы позвонили мне. Если бы Алиса появилась дома, она наверняка позвонили бы мне в машину. У меня же мобильник!» – не сдавался голос Вики-паникерши.

Она вышла и, напоминая себе девицу, возвращающуюся с дружеской попойки, которая старательно движется по одной линии, пошла к дому. Ее шатало. Она пыталась взять себя в руки, то и дело останавливалась и сжимала кулаки. От истерик прибыль не увеличится, как любил говорить ее отец. О, как дорого сейчас дала бы Вика, чтобы никакой этой их прибыли не было в помине! Хотя – при чем тут деньги? Сотни детей пропадают в этом вшивом мире ежедневно. Ежечасно. Она всегда думала, что уж ее-то жизнь застрахована от подобных вещей.

Ан нет...

В очередной раз одернув себя, она быстро поднялась по ступенькам и открыла дверь, зажмурив глаза в отчаянной надежде: происходящее с ней – глупый розыгрыш девочек. Сейчас она услышит Алисин голос. Сейчас...

– Вика?

Она открыла глаза.

Ей не надо было задавать лишних вопросов. По Таниным глазам все было понятно без слов.

– Вика, я...

Таня стояла, сложив руки на груди, как бы моля о пощаде. В ее глазах была та же проклятая паника, которая терзала Викину душу.

– Успокойся, – хрипло приказала Вика. – Лямину звонила?
– Да, но... – покачала та головой. – Его не было. Так мне, во всяком случае, сказала секретарша.

– А Алиса?

– Ее там нет. Она бы знала.

– Может быть, они просто куда-то пошли, – предположила Вика. – Например, в зоопарк. И сама невесело усмехнулась этому предположению. Чтобы Лямин пошел с дочкой в зоопарк? Это из области фантастики!

– А ее подруги? Ты звонила? Кате? Лизе? Рите? Наташе?

– Они говорят, что Алиса ни с кем из них не поехала. Осталась ждать отца. Вика, я, честное слово, очень спешила!

– Господи, Таня, перестань, – поморщилась Вика.

Ей показалось, что фраза прозвучала резковато. Чтобы смягчить произведенный эффект, Вика дотронулась до Таниного плеча.

– Успокойся, малышка. Мы что-нибудь придумаем!

Она не знала, что она собирается придумывать. Она могла только ждать.

Телефон зазвонил резко тогда, когда Вика уже начала сдаваться на милость чертовой панике.

Она выдохнула:

– Алиса!

Схватив трубку, она сказала:

– Алло?

– Виктория Аржанова? – осведомился незнакомый бархатный голос.

– Я слушаю вас.

– Наверное, вы сейчас ищите свою дочь, – насмешливо предположил абонент. – Я не ошибся? Почему вы молчите? Ваша дочь не вернулась сегодня из школы. Или она вернулась?

– Нет, – проговорила Вика послушно, начиная понимать, что сейчас именно с ней, с Викой, происходит что-то страшное. Банальное и страшное.

Она еще пыталась убежать от осознания этого, убедить себя в том, что это отец какой-нибудь Алисиной подружки. Или, может быть, ей это вообще приснилось? Сейчас Вика проснется. И голос исчезнет. Но голос и не думал исчезать:

– Она у нас. И, не скрою, ее дальнейшая жизнь зависит от вашего поведения, Виктория. Вы ведь не хотите, чтобы ваша дочь провела свою жизнь в инвалидной коляске?

Мир вокруг Вики начал распадаться на крошечные световые пятна. Мир стал рушиться.

* * *

Виталий Викторович Лямин представлял собой яркий образец новой породы гоблинов. Коротко стриженная голова была, казалось, посажена сразу на плечи, будто ваятель, занятый в свое время производством Лямина, не умел лепить шею и решил обойтись без нее. Хотя вполне вероятно, он просто боялся, что никакая шея не выдержит такую огромную голову. Опасения его были напрасны – голова Виталия Викторовича ни в малейшей мере не была обременена мыслями, а посему была наверняка легкой, как перышко. Впрочем, злопыхатели утверждали, что Виталий Викторович скрывается под маской дебила, а на самом деле хитер и достаточно сообразителен в те моменты, когда его крупный нос унюхает деньги.

Еще досужие обыватели, окружающие эту несуразную фигуру, не могли понять, как ему удалось заполучить в жены очаровательную Вику Аржанову и отчего это ее папенька не имел ничего против столь нестандартного искателя Викиной руки и сердца. Одно знали точно – Виталий Викторович если когда и любил свою жену, то это было очень давно и скорее всего

было неправдой. Во всяком случае, как тогда можно объяснить тот факт, что в ту минуту, когда дверь аванажного офиса открылась и туда стремительно влетела Наследница, как называли ее сотрудники, то есть Виктория Аржанова, Виталий Лямин в своем уютном кабинете предавался страсти, и его напарницей выступала вовсе не законная жена, а местный юрист. Довольно, кстати, неприятная особа, так и норовящая сунуть свой объемный нос в чужие дела и прибрать к тщательно обработанным пальчикам все дела фирмы. За это, равно как и за высокомерный нрав, ее ненавидели все, кто имел несчастье с ней сталкиваться.

– Добрый день, Виктория Андреевна. – Приветливость охранника при виде Наследницы не имела границ.

– Лямин у себя? – спросила Вика. – Совещание еще не закончилось?

Она ужасно выглядела, была бледна, а глаза, казалось, увеличились и подозрительно блестя.

Охранник растерялся.

Вика буравила его взглядом. Нетрудно было понять, почему парень залился краской и, заикаясь, мямлит какую-то несуразную дребедень.

– Господи, – поморщилась Вика нетерпеливо. – Да я знаю прекрасно, что за совещания, Юра. Значит, эта гюрза еще там...

Она даже не ждала его ответа. Просто пошла напрямиком к двери, минуя притихшую и опустившую глаза секретаршу, и рывком распахнула дверь.

Раздался оглушительный вопль возмущения, изданный Хозяином, потом из комнаты вылетела Елена Петровна, на ходу поправляя свое облегающее платье, которое не скрывало от окружающих неумеренной пышности ее форм. Дверь захлопнулась.

Спектакль закончился, к искреннему сожалению невольных зрителей. Дальнейшее действие происходило уже при закрытых дверях, а значит, потеряло всяческий интерес для публики.

* * *

Оказавшись наедине с мужем, Виктория почувствовала себя гладиатором, которого сунули к голодному и разъяренному животному. Только вместо льва перед ней метался и пыхтел что-то нечленораздельное огромный взбесившийся боров.

– И ты считаешь, что врываться вот так достойно цивилизованной женщины? Я и не думал, что ты способна вести себя, как обычная баба с базара!

Вика не знала, как ведет себя в подобной ситуации баба с базара. Наверное, ее реакция мало отличалась бы от Викиной. Разве что была бы более энергичной. Вряд ли эта неведомая баба стояла бы на месте истуканом и смотрела на изменника. (Впрочем, черт с ней, с изменой! Ведь из-за его грязной похоти с Алисой случилась беда!)

Воспоминание ударило Вику в самое сердце.

«Господи, что я тут делаю? – спрашивала она себя. – Почему я стою и слушаю этот бред? Мне надо идти искать Алису... Или нет. Мне надо что-то придумать. Мне надо достать эти вонючие деньги и швырнуть их в морду похитителям. Почему я пришла сюда? На что я рассчитывала? На поддержку? На защиту? Ты получила свою «поддержку». Можешь быть свободна!»

Собственно, так она и поступила. Развернулась и пошла прочь.

Виталий замолчал, открыв рот, отчего возымел еще больше сходства с боровом.

– погоди, ты куда? – спросил он.

Молчание жены для него было хуже, чем если бы она разразилась слезами, стала вопить. Ну, на худой конец треснула бы его по щеке.

В этом ее молчании было снова нечто унижающее его достоинство.

– Куда ты? – снова спросил он. – И зачем ты сюда тогда приходила? Чтобы помолчать выразительно?

Его голос неожиданно сорвался на визг.

«Как у оперного певца, нажравшегося пива», – невесело усмехнулась про себя Вика.

Она уже не хотела с ним говорить. Ненависть, заполнив все ее существо, грозила вырваться наружу, обрушиться на эту холеную морду. Ее ненависть заставила руку подняться, чтобы ударить. Но – нет! Вика взяла себя в руки. Да, я его ненавижу, устало сказала она себе и сделала шаг к двери.

Но все-таки обернулась и с ледяным спокойствием (таким, что Виталию стало страшно) сказала:

– Алису похитили. И требуют выкуп. А так... Ничего не случилось больше. Всего лишь похитили нашу дочь.

* * *

За окном пела птица.

Алиса попробовала подойти к окну, чтобы рассмотреть птицу, но не смогла сделать и шагу. Осторожно подергав ногу, она почувствовала нестерпимую боль и сжала губы, чтобы не закричать. Опустив глаза, она увидела, что ее приковали к ножке кровати наручниками. Это было страшно – вдруг Алисе придется сидеть тут до самой старости?

Она еще раз попробовала избавиться от этой помехи, но наручник плотно облегал голень, и любая попытка освободиться была, во-первых, болезненной, а во-вторых, бесполезной.

Она села на место, подперев подбородок кулачком. Вокруг царил полумрак и стоял запах гнили. Она знала только, что ее долго куда-то везли, а потом заперли в этом жутком месте. Правда, Он пообещал, что, если Алиса будет себя хорошо вести, а еще если мама будет хорошо себя вести, ее отпустят. Алиса не поняла, как должна вести себя мама – ведь мама и так всегда ведет себя хорошо. Она не бегает по комнате, сталкивая цветы. Она не кричит, как сумасшедший индеец... Но Он сказал, что все зависит от маминого поведения. И еще пообещал, что не причинит Алисе вреда. Надо только потерпеть немножко, и скоро все Алисины неприятности закончатся.

Больше всего на свете Алисе хотелось, чтобы это «скоро» наступило побыстрее. Потому что в этом месте было холодно и страшно, а дома...

В носу и в глазах защипало. Алиса нахмурилась. Плакать она не любила. Папа сказал, что плачут только неудачники, а для папы неудачники были самыми плохими людьми. Алиса не хотела быть неудачницей, поэтому плакать не собиралась.

К тому же она была уверена – ради нее мама будет вести себя очень хорошо. Так, как от нее требуют. А значит, все это закончится.

И долгожданное «скоро» наступит.

Дверь скрипнула. На пороге появилась темная фигура, и женский голос сказал:

– Он просил принести тебе еду. Вот, возьми. И еще он просил тебе передать, что с твоей матерью уже связались. Так что веди себя хорошо, поняла?

Алиса кивнула. Она была согласна вести себя хорошо. Только бы наступило «скоро»!

* * *

Вику трясло как в лихорадке. Анастасия Михайловна покачала головой и положила руку на хрупкое плечо дочери.

Но как может успокоить тот, кто и сам находится на грани истерики?

– Вика, успокойся, – попросила она. – Надо позвонить в милицию...

– Мама! – закричала Вика, глядя на нее с ужасом. – Они сказали, что убьют Алису, если я туда пойду! Как ты не понимаешь? Им нужны деньги! Проклятые, отвратительные деньги!

– Вика, эти люди не уймутся, если...

Она понимала, что Вика сейчас ее просто не слышит. Пятнадцать минут назад она еще жила в спокойном мире, единственной проблемой была надвигающаяся старость, и в той прежней жизни она воспринимала старость как единственную опасность, угрожающую ей. Но жизнь всегда преподносит неприятные сюрпризы, и этот – один из самых...

Чуть было не подумав «неприятных», Анастасия Михайловна вздрогнула. Ей, привыкшей к игре слов, живущей в их мире, сейчас слова отказывались подчиняться. Они не желали определить происходящее. Они исчезли.

Анастасия Михайловна встала и подошла к телефону.

– Мама, нет! – закричала Вика. – Никогда!

– Вика, они будут тянуть из тебя деньги, не отпуская Алису!

Она закрыла глаза, чтобы не видеть глаз дочери. И опустила трубку на рычаг.

– Хорошо, милая, – сказала она, пытаясь говорить спокойно. – Пусть будет так, как ты хочешь. Я дам тебе недостающую сумму, и ты выполнишь их условие...

Ей в голову пришла мысль – одна-единственная, но спасительная, как надежда.

Газета лежала на столе. Обычная газета с объявлениями. Детективное агентство «ЛМ». Они помогут им. А если не помогут, она сама выследит этих мерзавцев. Сама!

Нет, она не имеет права впасть в отчаяние. У нее нет времени на отчаяние, потому что вся ее жизнь сосредоточилась в маленькой девочке, похожей на ее дочь как две капли воды. Вся ее любовь была направлена на маленькую Алису, и если что-то с ней случится, она не переживет этого!

Но стоп... Думать так нельзя. С Алисой ничего не случится. Она этого не допустит!

Она не даст свою внучку в обиду!

Глава 3

Я откинулась на спинку кресла, и меня тут же заключила в объятия сладостная лень.

Хотелось спать, и я вполне могла отдаться на милость сну – в конце концов, я не первый человек, который спит на рабочем месте!

Лариков читал газетку с тем умиротворенным видом, который появлялся у него в послеобеденное время уже почти неделю. Так что мы напоминали уютную семейную пару на отдыхе.

Ах, черт! Получается, у нас с ним что-то вроде отпуска! Если так и дальше пойдет, надо будет выпросить у него парочку выходных... Найдет меня дома, если на его голову обрушится клиент. Хотя я уже не верила, что он обрушится. Похоже, все клиенты стали так вежливы, что беспокоить нас своими проблемами не рискуют.

– Ларчик, – лениво пропела я. – Как ты думаешь, не поехать ли нам на Гавайи?

И сама не знаю, чего это меня потянуло на Гавайи! Ладно бы я изъявила желание посетить мою любимую Ирландию, поехать, скажем, в Ламерик, так ни с того ни с сего я решила последовать за стадами «новых русских»! Не иначе как вынужденный отдых начал сказываться на моем рассудке...

Ларчик же на мое бредовое предложение отреагировал равнодушным кивком, будто действительно собирался это сделать.

– Ларчик, а ведь общение с преступным элементом должно пойти нам на пользу! – выдвинула я второе предложение, благодаря которому наш план посетить Гавайи выглядел уже менее иррационально. – Может быть, нам посвятить образовавшееся свободное время ограблению банка?

– Диллинджер, – усмехнулся Лариков. – Бонни ты моя внезапно обретенная! Как ты себе это представляешь, интересно?

– Ну, не банк, – умерила я прыть. – Магазин, например... Вот только надо подумать, какой магазин брать выгоднее – продуктовый или «Цезарь» с его телевизорами и стиральными машинами... Кстати, мне она нужна.

– На грузовике, значит, будем грабить, – рассмеялся Лариков. – Ты умеешь его водить?

– А он здорово отличается от мотоцикла? – поинтересовалась я.

– Слегка, – ответил Лариков. – Ты справишься.

– Тогда лучше «Цезарь», – решила я. – Потому что там много полезных вещей... Телевизоры всякие, видеомагнитофоны... И тостер неплохо. И печь СВЧ.

– Когда начнем? – осведомился Лариков. – Я так понимаю, эта мысль все больше овладевает твоим сознанием...

– Да сразу, – ответила я. – Купим в «Готике» шапки с прорезями для глаз и рванем в направлении грядущего благосостояния!

– Нам шапки не на что покупать, – сообщил Ларчик. – У нас вышли все деньги.

– Можно занять, – нашлась я. – Отдадим потом. Когда ограбим магазин.

И вот в этот-то момент, когда мои мысли совсем уклонились в криминальную сторону, наш телефон издал свое утробное призывное рычание.

– Лариков, – с тоской сказала я, поднимая трубку, – не мог бы ты все-таки вернуть на место прежний звонок? А то у меня теперь ощущение, что в нашей комнате живет голодный тигр!

– Ну и хорошо! – осклабился этот садист. – Это может помочь дисциплине...

Я не успела спросить его, каким образом сие урканье и фырканье может способствовать порядку – разве только Лариков еще обучит наш телефон кусаться и бросаться на нарушителей этой его возлюбленной дисциплины? Так как основным нарушителем лариковского спокойствия обычно являюсь я, надо ли мне расценивать, что акция с телефоном-рычалкой направ-

лена против меня лично? Рискуя жизнью, я сжала трубку в руке, глядя на замолкшее чудовище с опаской и недоверием.

– Агентство «ЛМ», – отрапортовала я в трубку.

– Пожалуйста, девушка, пригласите... детектива.

– В принципе я в некотором роде тоже детектив, – сообщила я явно перепуганному голосу.

Кстати, почему-то слово «детектив» было произнесено шепотом. Будто мой абонент боялся, что это кто-то услышит.

– Мне нужна ваша помощь. – Голос у абонента продолжал дрожать.

– Подъезжайте, – сказала я. – Будем рады помочь вам.

– Нет. – Теперь голос начал обретать более-менее нормальное звучание. – Обстоятельства таковы, что лучше бы приехал кто-то из вас. Будет даже лучше, если приедет... девушка. Привлечет меньше внимания.

– Хорошо, – согласилась я, мысленно показывая Ларчику язык. – Диктуйте адрес, я подъеду к вам.

Я записала адрес, повесила трубку и чмокнула опешившего Ларчика в щеку.

– Тебе наконец-то сделал предложение миллионер? – с сомнением в голосе спросил он. – Почему ты стала такой счастливой, что не можешь удержаться в рамках приличия?

– Лучше! – промурлыкала я, натягивая куртку. – Господь внял моей молитве, дорогой!

На нашу голову обрушился клиент!

– Ага, и он так напугал тебя, что ты собралась смыться!

– Нет, что ты, – ответила я смиренной улыбкой на его гнусную инсинуацию. – Клиент попался загадочный. По причинам, которые она обещала открыть мне при встрече, я должна изобразить из себя племянницу.

– Значит, это женщина.

– Иногда, мой друг, я готова признать твои гениальные способности. Да, женщина. Судя по голосу, это пожилая дама, да, да – именно дама, получившая прекрасное воспитание, образование и так далее. Вряд ли мне угрожает смертельная опасность от нее. Посему я рискую отправиться одна, без эскорта.

– Все-таки помни о мерах предосторожности, – нахмурился мой босс. – А то иногда твое легкомыслие внушает мне ужас!

– Благоговейный? – поинтересовалась я.

– Мистический! – выпалил мой босс.

– Это огорчительно, – развела я руками. – Но что поделаешь, дружок? Женщины тем и берут мужчин, что легкомысленны, как птички колибри! Ладно, пока. Приеду, расскажу тебе все в подробностях. Давай надеяться, что эти подробности будут интересны и хорошо оплачиваемы!

Я вылетела на улицу, напевая себе под нос угрожающий мотив «Ду хаст».

Честно говоря, за долгое время вынужденного спокойствия я успела соскучиться по приключениям. Так что чем больше выпадет их на мою долю, тем лучше.

* * *

– Мама!

Голос дочери вывел Анастасию Михайловну из задумчивости. Телефонная трубка все еще была в ее руке. Глаза дочери были устремлены на трубку, и Анастасия Михайловна отругала себя за оплошность.

– Что ты сделала? – с ужасом спросила Вика. – Мама, что ты сделала? Ты...

Она как-то странно всхлипнула и сдавленным голосом продолжила начатую фразу:

– Ты все-таки позвонила в милицию? Отвечай, мама!

– Вика, – начала Анастасия Михайловна, обнаружив, что, кажется, она оправдывается. – Послушай меня, Вика...

– Ты позвонила, – обреченно пробормотала Вика. – Мама, что ты наделала? Боже, мама, ты даже не представляешь себе, что ты наделала!

– Вика, успокойся! Я не звонила в милицию!

От напряжения ее голос прозвучал слишком резко, как окрик.

Вика удивленно замолчала. Мать никогда не повышала на нее голос! Отчего же сейчас, в трудную минуту, она кричит на нее?

Невольно отшатнувшись, Вика закрыла лицо руками. О, боже, как бы хорошо было сейчас расплакаться, выпустить со слезами это дикое напряжение, которое с каждым часом становится все труднее переносить!

Но слез не было. Лишь боль и страх...

– Тогда куда ты звонила? – сухо спросила Вика.

– Я звонила одной своей знакомой, – соврала Анастасия Михайловна, с ужасом осознав это.

Боже мой, ее губы только что изрекли ложь, и кому?!

Вике. Ее дочери, которой она не лгала никогда!

– Зачем?

Викины глаза смотрели требовательно, проникая в ее душу.

– Она может нам помочь. – Сама поверив этим словам, Анастасия Михайловна произнесла их твердо и спокойно. – Нам не справиться с тобой вдвоем, Вика! Как ты этого не понимаешь? Нам нужна помощница!

Казалось, Вика ее не слышит, все глубже погружаясь в пучину безнадежного отчаяния.

– Мама, – почти шепотом сказала она. – Как же ты не понимаешь... Они запретили мне говорить об Алисе с кем бы то ни было... Ведь все просто, мама, все так просто! Мы отдаем им деньги, как они этого хотят, – потому что они любят деньги, а я... Я ненавижу деньги, мама! Они вернут нам Алису, и мы забудем про эту историю... Забудем.

Она как будто старалась убедить в этом саму себя. Хотя прекрасно понимала, что теперь все будет по-другому – не так, как раньше... Ей придется долго забывать. Но она справится. Лишь бы вернули ее девочку.

– Хорошо, Вика, хорошо...

Мать погладила ее по лицу, стирая невидимые слезы, от отсутствия которых Вике было еще тяжелее.

– Я сейчас позвоню этой девушке, и мы все отменим! Пусть будет так, как ты этого хочешь!

– Мы отдадим им чертовы деньги, – продолжала шептать Вика, глядя в одну точку. – Мы отдадим им все чертовы деньги. Все. Пусть они только вернут нам Алису... Мама, они ведь нам ее вернут, правда?

Сердце Анастасии Михайловны сжала ледяная рука. Возникла резкая боль. «Не время, – приказала она ему. – Потерпи со своей болью!»

Смотреть на Вику было страшно, казалось, она сейчас упадет замертво, или ей откажет рассудок, и еще Вика вдруг стала совсем маленькой, будто перед Анастасией Михайловной стояла не тридцатипятилетняя женщина, а семилетняя девочка.

И эта девочка была растеряна, напугана, и некому было ее утешить, избавить от боли, кроме матери.

– Правда, – ласково прошептала Анастасия Михайловна. – Все будет хорошо, девочка. Все будет хорошо.

* * *

Телефонный звонок застал Ларикова за приятным времяпрепровождением.

Проще говоря, Андрей Петрович как раз намеревался испить кофейку.

Появление долгожданного клиента подействовало на него как бальзам. Настроение заметно улучшилось, и Андрей Петрович даже запел что-то.

Он поднял трубку и сообщил, что агентство «ЛМ» к услугам абонента.

– Простите, – услышал он немного опешивший голос. – Я говорила с девушкой...

– С моей помощницей, наверное, – предположил он.

– А вы не могли бы позвать ее к телефону?

– Нет, она уже уехала. Если это звонили вы пятнадцать минут назад, то минут через пять она будет у вас!

Женщина на другом конце провода замолчала.

– А остановить ее вы не можете? – с надеждой спросила она.

– Никак не смогу, – вздохнул он. – А вы передумали?

– Кажется, я уже не могу передумать.

– Ну, отчего же... Скажете Александре, что отказываетесь от помощи, вот и все.

Он старался говорить спокойно, но в голосе слышались нотки раздражения.

В самом деле – если у тебя есть деньги, то можно вот так издеваться над людьми?

Сначала звонить, назначать какие-то таинственные свидания, а потом...

– Только наперед я хотел бы попросить вас больше не устраивать подобные розыгрыши, – не выдержал он. – В то время, как вы развлекаете себя подобным образом, кто-то реально нуждается в нашей помощи. А сотрудник мотается по вашей прихоти неизвестно где!

– Простите, пожалуйста!

Кажется, женщина была действительно очень расстроена. Но и Сашку ему было жалко.

Настроение его резко упало.

– Ничего, – буркнул он.

Женщина положила трубку.

Он чертыхнулся и бросил трубку на рычаг.

Вернувшись на кухню, уставился на кофе, который, не вынеся долгого ожидания, выполз на плиту из джезвы, обезобразив белую поверхность плиты темно-коричневыми пятнами.

– Наша жизнь, ма шер, не всегда напоминает праздничек, – философски заметил Лариков, снимая наполовину опустевшую джезву и стирая тряпкой пятна. – Иногда выдаются дни, которые можно смело обозначить как траурные!

* * *

Ох, какое же несчастье случилось со мной по дороге!

Только я вылезла из автобуса, как какой-то сивый «мерин» промчался по луже так, что я была вынуждена принять грязевую ванну!

– Вот пакостник! – пробормотала я, тщательно осмотрев свою куртку, но ничего особенного не обнаружив.

Грязь была какого-то мистического свойства. Совершенно непонятным образом она оставалась незаметной, пока я не вошла в подъезд. Но стоило мне там опустить глаза, как я застыла в ужасе.

Вся моя куртка была теперь похожа на шкуру далматина наоборот. То есть, будучи черной, она украсилась мерзкими белыми пятнами!

– Похоже, эта лужа была с добавлением мела, – проворчала я, пытаясь оттереть это безобразие, – и теперь я до смерти перепугаю несчастную старушенцию, которая была настолько милой, что согласилась побыть нашим клиентом! И что по этому поводу скажет мое начальство?

Впрочем, по здравом размышлении я решила, что «начальству» лучше бы помолчать в тряпочку, поскольку оно рискует получить в ответ намек на то, что все приличные детективы имеют машины. И не я виновата, что никак не могу себе на эту самую машину заработать!

Когда мне удалось размазать белые пятна по куртке, придав ей более-менее приличный серый цвет, я нажала на кнопку звонка.

На лице моем засияла приветливая улыбка, которую я напяливала регулярно в надежде понравиться возможному клиенту. Иногда это, кстати, вполне удавалось, хотя Пенс однажды сказал, что эта улыбка отчего-то напоминает ему гримасу отвращения.

Из глубины квартиры приближались шаги, и я надеялась, что наша встреча будет счастливой для обеих сторон.

Дверь открылась.

На пороге стояла высокая худощавая пожилая женщина и смотрела на меня беспомощными и безнадежными глазами.

Под действием этого взгляда моя улыбка показалась мне идиотской, и я поспешила вернуть лицу нормальный вид.

– Здравствуйте, – сказала я. – Вы мне звонили. Я Александра Данич.

Женщина кивнула, но осталась стоять на прежнем месте как истукан. Словно не доверяла мне или, что намного хуже, замыслила недоброе.

– Вы мне звонили, – повторила я, пытаясь протиснуться в коридор.

Она будто очнулась.

– Ах, да. Простите, ради бога. Проходите... Видимо, это судьба. И я уже ничего не могу изменить...

Сказав такую вот странную вещь, она отодвинулась, с опаской посмотрев через плечо, и впустила меня в комнату.

Если до этого у меня были нехорошие мысли, что меня попросту разыгрывают, то, оказавшись в этой комнате, я поняла, что это не так.

В комнате находилась еще одна женщина, молодая и очень милая, с тонкими чертами лица. И не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понять: с этими женщинами случилась беда.

Этой бедой пропахла вся комната. И обе они почему-то смотрели на меня со страхом, как будто от меня исходила опасность.

* * *

Алиса почувствовала в углу движение.

Пытаясь хоть что-то разглядеть, она прищурилась, но в помещении, где она находилась, было так темно, что ничего не было видно.

Теперь снова было тихо, и девочка постаралась успокоить себя.

– Тебе показалось, – сказала она себе, пытаясь придать голосу уверенность, но он почему-то дрожал.

Она попробовала подняться и опять ощутила в ноге резкую боль.

Ах, да... Наручники. Она же прикована. Она снова села и сложила руки на коленях, как примерная ученица.

Почти успокоившись, Алиса начала вспоминать «Мэри Поппинс», чтобы не думать о том мрачном мире, который ее сейчас окружал.

Так было проще все пережить. Еще Алиса запретила себе думать о маме и бабушке, потому что стоило ей подумать о них, как желание оказаться дома, рядом с ними, становилось нестерпимым. И тогда слезы подступали так близко, что хотелось разреветься. А этого допускать было нельзя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.